

An aerial, top-down view of a large, circular earthen structure, possibly a well or a tunnel entrance. The structure is composed of concentric rings of earth and is surrounded by a grassy area. At the center of the structure, a person is standing, silhouetted against a bright, glowing light source. The overall atmosphere is mysterious and intriguing.

ИНЕССА ДАВЫДОВА

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ ДОКТОРА КРАУЗЕ

**ОГНЕННАЯ МЕТКА
ИСПЫТАНИЕ СЕРЕБРОМ
ТАМ, ГДЕ ЗВЕЗДЫ**

18+

Инесса Давыдова
Мистические истории
доктора Краузе. Сборник №3
Серия «Мистические истории
доктора Краузе», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60130252

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-03898-1

Аннотация

Сборник включает в себя более пятнадцати рассказов о практике и драматических событиях из личной жизни гипнолога Эриха Краузе. Каждый рассказ – это отдельно взятая история пациента, обратившегося к доктору с загадкой, которую нельзя решить традиционным методом. В своей практике доктор использует уникальную методику погружения в предыдущие инкарнации, которая помогает пациентам понять и преодолеть страхи и фобии.

Содержание

История седьмая. «Огненная метка»	4
Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Инесса Давыдова
Мистические
истории доктора
Краузе. Сборник №3

История седьмая.
«Огненная метка»

*Загляните в свои собственные души
и найдите в них искру правды,
которую боги поместили в каждое сердце
и из которой только вы сами сможете раздуть пламя.*
Сократ

Глава первая

Новость об обвале рубля и, как следствие, рынка недвижимости обрушилась на Краузе при выписке из больницы. Падение курса грозило доктору крушением всех планов: продажа дома приостанавливалась на неопределенный срок. Конечно, Эриха это не радовало.

В больничном вестибюле его встретил водитель Василий, еле протиснувшийся сквозь толпу, облепившую широкоформатный телевизор.

«— Эксперты назвали этот день «Черным вторником». Благодаря действиям Центробанка к утру доллар подешевел до шестидесяти одного рубля, — взволновано вещал диктор с экрана, — но дальше вновь был резкий скачок, к полудню доллар стоял шестьдесят шесть, а в тринадцать преодолел отметку в восемьдесят рублей. За евро в этот момент давали уже более ста рублей. В некоторых российских регионах началась настоящая паника. А доллар и евро буквально «сметали с полок» обменных пунктов».

— Вчера позвонил Островский и сказал, чтобы я не ждал покупателей на дом, — Василий взял у шефа дорожную кожаную сумку и открыл перед ним дверь.

— Этого стоило ожидать.

Краузе прикрыл горло шарфом, шагнул на улицу и сощурился от полуденного солнца. Под ногами приятным хрустом

приминался выпавший за ночь снег. Эрих втянул в еще слабые от болезни легкие колючий воздух. Вой сирены проезжавшей мимо скорой помощи напомнил ему ночь госпитализации.

Они дошли до стоянки. Василий отключил сигнализацию «ягуара» и отрыл перед шефом дверь. Забросил сумку в багажник и спросил куда отвезти.

– В офис, – Эрих разместился на заднем сиденье. – Пока окончательно не оклемаюсь, рабочие дни буду в апартаментах, а в пятницу вечером поеду домой.

Не успел «ягуар» выехать со стоянки, как зазвонил мобильный. Он посмотрел на определившийся номер.

– Я знаю, что ты скажешь... – предостерег он адвоката. – Заморозка рынка. Падение покупательского спроса.

– Может, я хотел справиться о твоём здоровье! – возмутился Островский. – Чего сразу рынок?!

– О моей смерти ты узнаешь первым. Твоя фамилия красуется на страховом полисе.

– Уведомляю, что все клиенты на покупку твоего дома слиняли, как хомяки моего сына из клетки. Загадка в стиле «Очевидное – невероятное»: третий хомяк совершает побег, а мы не знаем куда. Никаких следов и запаха разложения – только пустая клетка.

– Возможно, никуда они не сбегают. Просто это проделки твоего кота.

– Кот не может открыть клетку.

– Установи камеру напротив клетки, купи нового хомяка и увидишь.

– Так и сделаю. Кстати, я звоню по делу, – на выдохе Островский издал тихий присвист. – Подруге моей жены нужна помощь. Все профильные специалисты умыли руки. Она в таком отчаянии, что готова идти к знахарям и экстрасенсам, хотя в них не верит. Ты можешь ей помочь?

– А что с ней?

– Пусть она сама расскажет.

– Мне нужно пару дней на адаптацию, потом милости прошу.

– Боюсь, она чего-нибудь натворит за эти дни. Хотя бы выслушай ее, а сеанс можешь назначить в удобное для тебя время.

Эрих еще не оклемался после затяжной пневмонии, его мучила слабость, но за три недели, проведенные в стационаре, он так истосковался по работе, что мгновенно сдался.

– Хорошо, пусть приходит.

– Danke шен, дружище.

В служебных апартаментах его встретил ассистент. Давид помог Краузе снять пальто и предложил на выбор чай или кофе.

– Хочу черный чай с лимоном и медом.

– Сделаю.

Давид вручил корреспонденцию, и по его виду Эрих понял, что среди писем есть что-то, что его не обрадует.

- Что он прислал на этот раз? – Краузе имел в виду сталкера, который после смерти супруги нацелился его извести.
- Ничего такого не приходило.
- Тогда почему ты так посмотрел?
- Ассистент ткнул пальцем в верхнее письмо.
- Это от владельца здания. Вам лично. У меня плохое предчувствие.
- В связи с кризисом нам подняли аренду? – Эрих распечатал конверт и, пробежавшись по строчкам, нахмурился.
- Что там? – от нетерпения Давид попытался заглянуть через плечо шефа.
- Все сегодня такие нервные, – пробормотал Эрих, дочитывая письмо.
- Обвал рубля! Цены взлетели! Никакой зарплаты не хватит, чтобы прожить в Москве.
- Краузе поднял глаза и оценил настрой ассистента.
- Ты просишь повышения зарплаты?
- Не прошу, но... – Давид закатил глаза, – нет ли возможности выплатить разовое пособие?
- Я подумаю, – сухо отозвался гипнолог.
- Так о чем там? – кивком ассистент показал на письмо.
- Это о пациенте, который хочет со мной незамедлительно встретиться, – Краузе протянул письмо. – Там указаны контакты адвоката. Узнай, как можно организовать с его клиентом встречу.
- Не успел Эрих выписаться из больницы, как на него сразу

«свалились» два пациента, и оба требовали незамедлительного приема.

Читая письмо, Давид медленно двинулся к двери, но на полпути остановился, повернулся и испуганно взглянул на шефа.

– Эрих, а как вы будете проводить сеанс в тюрьме?

Краузе принял душ и переоделся. Смыв с себя больничный запах, он почувствовал, как отступило раздражение, и решил поработать в кабинете. Стопка писем заметно поредела, когда снова позвонил Островский. Эрих известил:

– Твоя клиентка на связь еще не выходила.

– Знаю. Именно поэтому звоню. Ей не выбраться с работы – какое-то мероприятие. Босс не отпускает. Но она может поговорить с тобой в музее. – Островский продиктовал адрес. – Сможешь к ней проскочить? Очень прошу.

– Постараюсь.

– Данке! Ты наш спаситель! – адвокат вложил в голос нотки показного раболепия.

– Не паясничай!

Эрих отправил адрес Василию, надел пальто и вышел из кабинета.

В приемной его перехватил Давид и доложил:

– Я связался с адвокатом заключенного.

– Так. И что? – Эрих обернулся.

– Он может провести вас в тюрьму, представив психотерапевтом. С этим проблем не будет. Но записывать сеанс вам не разрешат.

– Понятно, – Эрих помрачнел. – Назначь время.

– Он готов хоть завтра. Просит выслать ваши паспортные данные и копию лицензии. Заключенный после вынесения приговора еще находится в СИЗО. Через три дня его этапируют на Урал в «Черный беркут» – тюрьму строгого режима. Вы действительно возьмете этого пациента?

– А в чем дело?

– Он же убийца!

Краузе планировал сначала разобраться с пациенткой, за которую хлопотал Влад, но поехать на Урал он точно не сможет, поэтому решил отдать приоритет осужденному.

– Договорись на завтра. Вышли документы. Пусть оформит разрешение.

Гипнолог двинулся к лестнице и поймал себя на мысли, что после смерти жены стал щепетильно относиться к пациентам. Раньше первоочередной задачей была оплата за сеансы. Сейчас же его не волновал даже тот факт, что обратившийся к нему осужденный – убийца. В сущности, он ничем не отличался от того, кто забрал у него жену.

– Эрих Карлович! – окрикнул его на улице владелец здания.

Обухов шел в сопровождении двух телохранителей, которые сразу отступили назад и пристально обследовали периметр.

– Прошу вас, называйте меня Эрих, – доктор пожал протянутую руку.

– Вы получили мое письмо? – осведомился Обухов, засунул руки в карманы брюк и насупился.

Обухов был тучным человеком, с бульдожьими нависшими щеками, ростом почти на голову ниже Краузе и смотрел на него, задрав голову.

– Да. Мой ассистент договаривается сейчас с адвокатом заключенного о совместном посещении.

– Небось, удивились, почему я ходатайствую за уголовника.

– Если честно, да.

– В общем-то, дело такое: он спас моего сына от отморожков. Никита серьезно занимается футболом, состоит в юношеской сборной, ему четырнадцать. Шел с другом с тренировки, а на них наехали какие-то кавказцы. Зашугали пацанов до жути. Мой признался, что от страха чуть в штаны не наложил. Рябов шел мимо, решил вмешаться, разбросал нападавших, как кутят, и так увлекся, что одному череп проломил. Я хотел впрячься и отмазать, но после ареста выяснилось, что он в розыске еще за два подобных инцидента.

– Он убил троих? – Эрих побледнел.

– Не хочу вникать за что и кого, – понизил голос Обухов

и огляделся по сторонам. – Мне сказали, что улики железобетонные. В общем-то, он как-то узнал, что вы мой арендатор, и попросил за него похлопотать. Хочет разобраться из-за чего ему крышу сносит.

– Я не практикующий психиатр, а гипнолог.

Обухов ткнул указательным пальцем Краузе в грудь. Все это время ожидавший у машины Василий подошел к шефу и стал прислушиваться.

– Его там куча психарей осмотрели. Признали вменяемым. Никому дела нет, почему он чуть что в драку прет. Для суда годен, тема закрыта. Он хочет, чтобы вы ввели его в гипноз и докопались до сути проблемы. Считает, что должно быть логическое объяснение тому, что с ним происходит, – Обухов злобно хохотнул. – Как по мне – псих он конченный. Я благодарен ему за сына. Понятно, чем бы та стычка закончилась. Посадили бы на нож – и нет пацана. Но дальше я не лезу, – Обухов поднял руки, показывая, что сдается. – Помог чем мог и дал понять, чтобы впредь ко мне не совался. Деньги у него есть. Он на приисках работал. Так что за сеансы заплатить сможет.

Эрих вышел из машины, огляделся и никаких музеев не нашел. Но обратил внимание на одну из вывесок – «Культур-

ное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран» – и открыл дверь.

Ему навстречу, улыбаясь, шла супруга его адвоката.

– Привет, Эрих.

Островские по отношению ко всем знакомым, даже друзьям детства, вели себя по накатанной схеме: пока люди были им выгодны, они поддерживали видимость тесной многолетней дружбы, но как только человек оступался или терпел ряд неудач, супруги отворачивались, делая обиженный и негодующий вид.

Когда Эрих после смерти жены закрылся в рыбацком домике, многие знакомые осведомлялись о его душевном состоянии, пытались выманить в столицу, приглашая на разного рода мероприятия. Островские же никак не дали о себе знать. Вернувшись в Москву, доктор решил распродать имущество. Вот тут-то супружеская чета сразу объявилась и предложила свои услуги.

– Как ты? Выглядишь похудевшим.

Эрих не дал ей развить тему. Спросил, где ее подруга и для чего ей понадобился гипнолог.

– Пойдем, – Ева повела его в дальний кабинет, – побеседуйте наедине как врач и пациент. От себя скажу: это та самая девушка, которая находила и оценивала музыкальные инструменты для твоей коллекции.

– Ах вот оно что...

Теперь Краузе стало понятно, почему Ева опекала эту де-

вушку: через нее она получала предметы старины и артефакты, которые могла с выгодой продать. Ева занималась антиквариатом и работала на группу коллекционеров предметов искусства, в которую когда-то входил Краузе.

Ева завела Эриха в кабинет и указала на девушку в хиджабе. Краузе подметил правильные черты лица, большие миндалевидные глаза и гордую осанку. Ее руки были облачены в белые тканевые перчатки, какие носят работники, контактирующие с предметами старины.

– Это моя подруга Дария. Она культуролог. Работает здесь методистом. Пообщайтесь. Я оставлю вас.

– Ни в коем случае! – запротестовала Дария. – Мне запрещено оставаться с мужчиной наедине.

Эрих уже сталкивался с мусульманскими традициями и поспешил ее успокоить.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – Краузе повернулся к Островской. – Ева, тебе придется остаться.

– В принципе, Ева сама могла все рассказать, она в курсе моих проблем.

– Нет уж. Это личное, – Ева ушла в дальнюю часть кабинета и углубилась в изучение толстых альбомов о восточной архитектуре.

Методист пригласила Краузе присесть и, как только он снял пальто и разместился в кресле, вполголоса заговорила:

– Мне стыдно, что я навязываю вам свои проблемы. Но я так часто слышу о вас от общих друзей, что мне уже ка-

жется, что мы давно знакомы, – она закусил губу и отвела взгляд, собираясь с силами. – Я из семьи, где чтят традиции. В этом центре работает мой жених. Его зовут Анвар. По договоренности между нашими родителями мы назначили дату свадьбы на лето следующего года. Решили не торопиться и собрать побольше денег, чтобы пригласить всех родственников. У нас много родни. Как только все было решено, со мной стали происходить невероятные вещи. Мелочи я вам рассказывать не буду, они в сущности могут быть лишь совпадениями, но вот это...

Девушка сняла перчатки и показала ладони, сплошь покрытые шрамами. Эрих невольно отпрянул.

– Это ожоги?

– Нет. Они лишь выглядят как ожоги. Сначала ладони безумно чесались, потом начали кровоточить, кожа стала деформироваться.

– Вы обращались к врачам?

– Конечно! Куда меня только не водили. Врачи ставили разные диагнозы, но лечение не помогало.

Она надела перчатки и бросила опасливый взгляд на дверь.

– Это ведь не все? – он прожег ее пытливым взглядом.

Дария кивнула и смахнула накатившиеся слезы.

– Меня не покидает ощущение, что я живу не своей жизнью. Я старалась объяснить это родителям, но они слушать не хотят. Отец считает, что всему виной моя образованность.

По его мнению, я должна была с подросткового возраста помогать маме по хозяйству и готовиться к будущему замужеству.

– Какой аспект жизни вы считаете наиболее чуждым?

– В первую очередь вероисповедание. В моей семье исповедуют ислам шиитского толка, но я себя мусульманкой не считаю. Я придерживаюсь других взглядов, – глаза ее вспыхнули, она замахала руками, будто обожглась. – Не хочу вдаваться в подробности, но это более древние знания.

Наблюдая за девушкой, Краузе ощутил ее клокочущую энергию. С виду она была скромна и сдержана, но внутри бушевал огонь.

– Что еще?

– Мне не по нраву отношение моих сородичей к женщинам. Я хочу выстроить равные отношения, но с Анваром этого никогда не получится.

Девушка запнулась, пауза затянулась и Краузе ее подбодрил:

– Продолжайте, в чем еще вы видите противоречия?

– Честно говоря, я вообще не создана для отношений. Мне кажется, что у меня иной путь. Путь самопознания и паломничества по святым местам. Я не раз была в Иране и в Индии. Посещала памятники архитектуры и испытывала благоговение. Это ни с чем не сравнимое чувство. Не представляю себя в роли домохозяйки и матери.

– Вы не хотите иметь детей?

– Не то чтобы не хочу, – замялась девушка и потупила взгляд. – У меня такое ощущение, что материнство не мой путь.

Краузе живо представил, какой шок испытали родители, когда услышали такое от дочери.

– Какие у вас отношения с родителями?

Девушка с шумом втянула воздух.

– Натянутые. Отец со мной не разговаривает. Мама не теряет надежды и пытается переубедить. Говорит, что на меня повлияла болезнь. Она не в силах понять, что ее дочь хочет променять удачный брак на путешествия.

– Вы любите Анвара?

– Он заботливый, добрый и образованный мужчина.

– Это не ответ.

После минутного размышления она покачала головой.

– Тогда зачем дали разрешение на брак?

– Я и так оттягивала этот момент как могла. Меня сватали еще в семнадцать, потом в девятнадцать. Я умоляла отца дать мне возможность доучиться. Говорила, что после замужества я уже не смогу полдня тратить на занятия. Он пошел мне на встречу. Я не могу его подвести.

– А сейчас сколько вам лет?

– Двадцать три.

– Мне кажется, вы нечестны с Анваром. Разве он не достоин быть счастливым? Разве не достоин стать отцом?

– Конечно, достоин!

Сейчас Дария пылала как костер. Даже волосы наэлектризовались и приподняли платок.

– Насколько я вас понял, не в ваших правилах уходить от ответственности. Так будьте честны с близкими вам людьми и тем более с собой.

Дария поджала губы и отвернулась. На минуту воцарилось молчание.

Эрих посмотрел на Еву. По ее виду можно было сказать, что она увлечена чтением, но он слишком хорошо ее знал. От нее не ускользнуло ни одно слово, ни один жест и смена интонации.

– Что вы от меня хотите?

– Я хочу пройти у вас хотя бы один сеанс и понять, нет ли какого-то шлейфа из прошлой жизни.

– Вы верите в реинкарнацию?

– Реинкарнация логично вписывается в систему совершенствования человека. Клеточная память – это не только знание клеток физического тела, но и многовековое знание о состоянии самой души.

Эрих не ожидал услышать таких выводов от женщины в хиджабе. Дария подметила его замешательство и решила развить тему:

– Мы впитываем опыт предыдущих воплощений. Именно поэтому мое тело негативно отреагировало на утверждение даты свадьбы. Я должна воспрепятствовать замужеству.

– Свою проблему вы видите в предстоящем браке?

– В первую очередь. Есть и другие, но они мелочь по сравнению с этим, – девушка снова сняла перчатки и внимательно рассмотрела шрамы. – Сегодня я скажу Анвару, что отменяю нашу помолвку. Буду делать акцент на непонятное заболевание. Скажу, что появились боли. А вдруг это заразное?

– Это побег от проблемы. Вы не решите вопрос замужества через ложь.

– А это не ложь. Ведь ни один диагноз не подтвердился. Я могу быть права. Если я носитель какой-то непонятной болезни, то не могу рожать детей.

Доводы были сильно притянуты, но Краузе сдался.

– Хорошо. Я согласен провести с вами один сеанс, но у нас проблема: на сеансе вы будете со мной наедине. У вас есть подруга, которой вы полностью доверяете?

Дария кивком показала на Еву.

– Тогда приходите вместе. Я сделаю для вас исключение.

– Вы можете меня принять сегодня после работы? На этой неделе у меня аврал. Готовимся к выставке. Пожалуйста! – взмолилась девушка.

– Пусть Ева позвонит мне ближе к шести.

«Ягуар» остановился перед воротами кладбища. К могиле жены Эрих шел как на заклятие, ожидая очередной подвох

от сталкера, но был удивлен девственной чистотой надгробья. Никаких венков, открыток и свечей. Все было вычищено, даже снег. Он присел на корточки и положил руку на могильную плиту. Навалилась леденящая душу тоска. Чувства Эриха были противоречивы. Он злился на покойную жену, но до сих пор любил ее.

Краузе сидел в молчании, прислушиваясь к стуку сердца, пока не услышал за спиной скрипучий голос:

– Даже на том свете этот кобель окружил себя красотками.

Доктор обернулся и увидел пожилую сухонькую женщину в чудаковатой шляпке. Выпрямился и посмотрел на соседнюю могилу.

– Одна другой краше, – она всплеснула руками, – Генка, ирод окаянный, сколько же я из-за тебя выстрадала.

Краузе чувствовал, что этот спектакль разыгрывается специально для него, мысленно попрощался с женой и хотел уже уйти, как старушка, вперившись в него маленькими круглыми глазками, выпалила:

– Вот как, по-вашему, это нормально? Муженек той, что справа, – она показала на могильный камень из гранита, – пришел ко мне просить перенести могилу Генки на другое кладбище. Вот ему! – старушка показала фигу. – Надо было раньше думать!

– Зачем перенести? – удивился Краузе.

– Дык, сразу не рассудил, что надо брать два места, а теперь хочет, чтобы его рядом похоронили. Вроде как у него

смертельный диагноз. Сулил мне деньги, мол, все расходы возьмет на себя.

Завыл ветер, Эрих поежился. Нужно возвращаться в машину, иначе он снова загремит в стационар.

– Я ему кукиш показала и послала куда подальше, – старушка театрально всплеснула руками и самодовольно улыбнулась. – Да я Генку как похоронила, так зажила как королева! Ни в чем себе не отказываю. Шляпу вот купила. А при жизни он свою пенсию прятал, даже на продукты не давал. Врал напрапалую. Потерял, украли, забыл куда положил, – она зацокала языком и подбоченилась. – Но я-то знала, на кого он пенсию спускал. На Ритку-проститутку с третьего подъезда. Ходил к ней до самой смерти.

С горяча она сплюнула на могильную плиту, потом опомнилась и начала вытирать платком. Не говоря ни слова, Эрих развернулся и зашагал к выходу.

– Имя еще такое заморское! – прокричала старушка ему вслед. – Эрих Карлович! Откуда к нам немцы понаехали? Еще и мрут как собаки. Место ему освободи!

Краузе резко обернулся и впялил в нее озадаченный взгляд.

– Что? Неужто он и к вам приходил? К вам-то зачем? – продолжила старушка и показала на памятник с фотографией Елены. – Уже согласен лечь через могилу?

Эрих все еще не мог обрести дар речи. Кто-то приходил к этой старушке и представлялся его именем. Планировал рас-

очистить место рядом с Еленой. Это намек, что его ждет та же участь? Убийца скоро доберется и до него?

– Жenu его, конечно, жалко. Он сказал, что ее зверски убили. Я посочувствовала, но в переносе могилы отказала. Вы тоже?

– А он оставил вам свою визитку? – с надеждой спросил Краузе.

– Оставил, но я ее выбросила, – она подошла ближе и заговорила вполголоса, будто боялась, что их кто-то услышит. – Он в лечебный гипноз людей вводит. Лечит алкашей и наркоманов. Не мудрено, что на его жену покусились. Такая опасная работа. Сказал, что сам вел расследование. Убийцу вроде поймали, он даже сознался, но потом отказался от своих слов. Повесился. Не выдержал давления.

Эрих почувствовал, как земля уходит из-под ног.

– Когда он к вам приходил?

Старушка задумалась, постукивая костлявыми пальцами по сморщенным губам.

– Дык, осень еще была. Снега не было.

Краузе решил, что дальше будет действовать через Крюкова, попрощался и стремительно покинул кладбище. Видимо, каждый раз, посещая могилу жены, он будет наткаться на послания своего преследователя. Он будто отгонял Эриха от места захоронения, заявляя свои права на смерть Елены.

Глава вторая

К семи часам в приемную Краузе вошли Ева и Дария, последняя так сильно волновалась, что не смогла самостоятельно снять пальто. Помощь Давида она отвергла в резкой форме. Первой в кабинет вошла Ева и через силу улыбнулась. Краузе понял, что девушки повздорили.

– Эрих, сориентируй меня по времени. Сколько это займет? Мне нельзя задерживаться, няня попросила приехать пораньше.

– Все очень индивидуально. Дария попросила только об одном сеансе. Скорее всего, мне придется выйти за рамки одного часа.

– Я так и знала, – Ева встала перед стеной с фотографиями, на которых Эрих был запечатлен со знаменитостями, обращавшимися к нему за помощью.

Наконец-то появилась Дария. С угрюмым видом она осмотрела кабинет и ненадолго задержала взгляд на гипнологе, будто сомневалась в принятом решении. Руки девушки все еще были в белых перчатках – вероятно в присутствии посторонних она их не снимала. Подруги разместились в разных концах кабинета.

После подписания договора Эрих установил на треноге камеру, рассказал пациентке о процедуре и попросил лечь на кушетку. Когда Дария погрузилась в гипноз, он повернулся

к Островской и тихо сказал:

– Ева, сядь рядом. Я не буду до нее дотрагиваться. Твоя задача в моменты ее волнения проверять пульс и давление. Справишься?

– С пульсом справлюсь, а вот с давлением...

Краузе продемонстрировал как пользоваться электронным тонометром.

– Чувствую себя не в своей тарелке, – Ева пододвинула кресло и дала знак, что готова.

Эрих включил запись и поставленным за многие годы практики голосом дал команду:

– Дария, вы находитесь на лечебном сеансе, который поможет вам разобраться с вашими проблемами. Во время сеанса вы будете спокойной и расслабленной, вашему телу будет комфортно. Вы почувствуете легкость и покой. Дышите размеренно.

Эрих жестом показал, чтобы Ева выключила мобильный телефон. Она сделала вид, что выключает, но на деле просто отключила звук.

– Сейчас вы войдете в длинный туннель. Там темно, но вы не будете бояться. Слушайте мой голос и выполняйте мои команды. В конце туннеля вас окутает яркий свет и выведет в прошлую жизнь. Я буду считать от десяти до одного, а когда скажу «один», вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. При этом вы сохраните свою личность и будете сознавать, что это ваша прошлая жизнь. Ни при каких об-

стоятельствах вы не будете отождествлять себя с прошлой личностью. Вы входите в туннель и набираете скорость. Десять... девять... восемь... семь...

Дария оказалась в крошечной темноте. После слов Краузе о туннеле, впереди засеребрилась тропинка, ведущая к входу пещеры. Девушка сделала пару робких пробных шагов и, немного осмелев, пошла быстрее. Ущелье освещал факел. Дария сняла его с кованого кронштейна и, подсвечивая себе дорогу, вошла в пещеру.

– Двигайтесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, впереди вы видите свет. Идите к свету.

Но вместо ослепительного света Дария видит огонь. Он манит ее. Девушка не боится, а чувствует безграничную радость. В реальной жизни она так никогда не радовалась.

– Четыре... три... Стены почти белые. Яркий, ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Ничего не бойтесь. Пусть свет окутает вас со всех сторон.

Дария приближается к огню. Она смело протягивает руки. Огонь электризует и проникает в каждую клеточку тела.

– Один... Выход. Вы снаружи. Вам комфортно. Вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – восторженно отвечает Дария и улыбается.

– Оглянитесь вокруг. Что вы видите?

Девушка видит себя стоящей перед очагом. На вертеле жарится ароматное мясо ягненка. Языки пламени шипят от

крупных капель жира.

– Мясо на огне, – Дария втягивает носом. – Вкусно пахнет.

– Кто вы? Женщина или мужчина?

Она осматривает себя и отвечает:

– Я ребенок. Девочка.

– Хорошо. Где вы находитесь?

– Дома.

– А кто еще дома? Кого вы видите?

Девочка видит своих домочадцев: родителей, братьев и сестер. Отец встречает брата с женой, отдает поводья верблюдов старшему сыну и проводит гостей в шатер.

– У нас гости, – отвечает Дария и брезгливо принюхивается. – Они воняют. Долго ехали.

Ева хихикнула и Краузе тут же на нее шикнул. Она прошептала ему на ухо:

– Не знала, что будет так увлекательно.

Краузе покачал головой и повернулся к Дарии.

– Как тебя зовут?

– Аниса.

– Сколько тебе лет, Аниса?

Дария пожала плечами и смущенно прошептала:

– Мне нужно спросить у мамы.

Аниса побежала к матери и дернула ее за тунику. Та наклонилась, малышка задала ей вопрос. Мать ответила, потрепала кудряшки дочери и улыбнулась. Аниса вернулась к очагу.

– Мама сказала, что я пять раз встречала праздник огня.

Краузе понял, что спрашивать девочку о стране и языке, на котором она говорит, бесполезно, и ограничился вопросами о семье и быте. Девочка охотно перечислила имена родственников и добавила, что скоро у нее будет еще братик или сестренка. Она описала внешность родителей и семейный уклад. Краузе сделал вывод, что семья жила в шатре. Рядом находились такие же шатры родственников отца. Отец Анисы ковал кинжалы и мечи, а мать занималась бытом и детьми. У отца и старшего брата, имевшего уже двоих детей, были длинные волосы и бороды, которые они по праздникам смазывали благовониями.

Аниса хитровато прищуривается и оглядывается по сторонам, она что-то задумала. Убедившись, что на нее никто не смотрит, тянет ручки к огню. Греет их, пока огонь не обжигает кожу. Она так часто делает. В огне Аниса иногда видит картинки и рассказывает маме, но она ее ругает и запрещает смотреть на огонь.

Набравшись смелости, Аниса засунула ручки в очаг и огонь перекинулся на ее ладошки. Если бы такое сделал кто-то из семьи, тотчас бы закричал, но Анисе не больно. Она поворачивается и с радостью окликает родителей. Все присутствующие замолкли и уставились на ребенка. Первой среагировала мать, она подбежала к дочери и загасила огонь. Смочила руки холодной водой, ожидая увидеть ожоги, но их не было. Все повскакали и столпились вокруг ребенка.

Краузе понял, что Дария не просто так попала в день своего пятилетия.

– Дария, что вы видите? Что происходит с Анисой?

Пациентка рассказала о произошедшем. Удивительно то, что девочка повторяла этот трюк еще два раза. Так что это было не случайностью.

– То есть огонь тебя не обжигает?

– Не обжигает только ладони. Остальные части тела так же чувствительны к огню, как у других.

– Шрамы, – прошептала Ева и показала на руки Дарии.

Эрих кивнул. Он и сам провел параллель, вот только что им делать с этой информацией, пока непонятно.

– Как складываются дальнейшие события?

Перед Дарией кадр за кадром сменяются дни, недели, времена года. Она видит, как проходит несколько лет. В семье каждый год пополнение. Не все дети выживают, были жертвы эпидемии и несчастные случаи. Но Аниса выжила. Каждый раз, когда кто-то должен умереть, огонь предупреждает Анису, но теперь она никому не говорит, только шепчется с ним. Девочка выросла в красивую девушку. К ней сватаются женихи, но Аниса заявляет родителям, что предназначена огню. Мать облачает Анису в белоснежное платье и приводит в храм. Девочка показывает, как умеет контактировать с огнем, и жрец берет ее на обучение, предупредив, если впоследствии она станет жрицей, то не сможет иметь семью. Она навсегда останется девственной.

- Аниса стала ученицей жреца, – оповестила Дария.
- Это какой-то культ? Что это за вера?
- Они поклоняются огню.
- Зороастрийцы... – прошептала Ева.
- Скорее всего, – согласился Эрих и спросил пациентку: – Что происходит дальше?

Дария видит, как Аниса проходит обучение. Это не городской храм, куда ходит вся знать, а несколько аскетичных помещений, вытесанных в мягкой горной породе. Жрец считает себя посвященным самой Анахитой, а храм, что построили в столице в ее честь, давно служит источником греха и разврата. Он предупреждает трех учеников, что будет относиться ко всем одинаково, а во время обряда посвящения сами боги выберут избранного. Отвергнутый должен смириться и выбрать благопристойный путь совершенствования. Аниса много молится, читает священные книги и подолгу сидит перед огнем в пещерном храме. Двое других учеников – Керуш и Сарда – не так прилежны. Пока Аниса говорит с огнем, они тайно сбегают в город и там наслаждаются ночной жизнью, с ее опасностями и запретными удовольствиями.

- Аниса готовится к обряду посвящения. Читает Хорд и Нирангистан.
- Что это?
- Ежедневные молитвы и правила культа.
- Хорошо. Что вы еще видите?

– У нее есть конкуренты. Керуш – добрый и любознательный. Старший из нас, Сарда – гордый и завистливый. Он главный претендент на место жреца и дольше служит культу. С первого раза запоминает молитвы, быстро находит общий язык с паломниками. Жрец прощает ему все проделки.

– А что происходит с Анисой?

– Ее сила в огне. Она может делать то, чего не могут другие ученики. Напряжение растет. Посвящение близиться.

Дария видит, как каждый ученик проводит последнюю ночь перед посвящением. Аниса вглядывается в пламя и задает вопросы, но стихия огня хранит тайну. Керуш – дома со своей семьей. Сарда – в окружении жриц храма Анахиты посвящает ночь ритуальному соитию и празднует. У юноши нет сомнений в том, что огонь выберет именно его.

На рассвете жрец проводит ритуал. Каждый ученик подносит дары к неугасаемому огню, зажженному от молнии, который призвал жрец во время своего посвящения. Теперь эту процедуру предстоит пройти трем ученикам.

– Дария, не молчите. Что вы видите? – изнывал от нетерпения Краузе.

Ева стала посматривать на часы. За время сеанса ей уже трижды позвонил муж, но Краузе запретил ей отвечать и каждый раз просил отключить телефон.

Дария разлепила пересохшие губы и поведала:

– Ученики проходят через обряд посвящения. Он длится почти сутки. Жрецом окажется тот, кто сможет силой молит-

вы привлечь молнию, из которой зажжется негасимый огонь.

Эрих и Ева переглянулись.

– Я немного читала про их богослужения, мне кажется, что это нетипичная инициация.

– Чш-ш-ш... – Краузе приложил палец к губам. – Потом поговорим.

Первым обряд проходит Керуш. Но как ни старался он призвать молнию, у него не получилось. По его реакции Аниса поняла, что он не слишком расстроен. Сарда над ним подшучивает, называет неудачником. Но вторым не идет, пропускает вперед Анису.

Девушка садится перед алтарем и начинает молиться. Не проходит и пяти минут, как в отверстие по центру свода пещеры попадает мощнейший разряд молнии, от которого вспыхивает алтарный огонь. Аниса с радостью вонзает руки в пламя и на ладонях выносит его малую часть. Подходит к жрецу для благословения. Жрец принимает ее жертву.

– У нее получилось! – воскликнула Дария. – Аниса высекла огонь из молнии!

Как ни старался Сарда, но привлечь молнию не смог. Обряд закончен, жрец попросил всех разойтись, отдохнуть и прийти на вечернее богослужение, на котором он посвятит Анису в жрицу. Но Сарда не собирается останавливаться, уже не молится, а кричит. Даже на мгновение он не допускал мысли, что может не пройти обряд, и теперь чувствует горечь поражения. В юноше разгорается огонь злости и зави-

сти к Анисе. Да кто она такая, чтобы забрать то, что причиталось ему по праву. У него зреет план отмщения. Проникнув в скромное жилище Анисы, он бросает ее на соломенную подстилку, служащую ей постелью и срывает с нее одежду.

Пациентка учащенно задышала и начала заикаться.

– Дария, успокойтесь, вы всего лишь наблюдательница. Дышите размерено, слушайте мой голос. Что случилось с Анисой?

Дария видит, как Аниса идет в порванной одежде к алтарному огню. Она не видит смысла в дальнейшей жизни и хочет войти в очистительный огонь.

– Сарда надругался над Анисой. Теперь она не сможет стать жрицей.

Керуш не дает ей совершить задуманное и спасает девушку. Жрец проклинает Сарду и выгоняет его из пещерного храма. Аниса не может вернуться домой, ей стыдно. Теперь она опорочена. Тогда Керуш предлагает ей уйти с ним, обещает жениться. Аниса чувствует, что служение божественному еще не закончено, и просит огонь указать ей путь.

– Аниса уходит в паломничество по святым землям. В пустыне она лечит людей травами и огнем, предсказывает и дает советы. Большую часть жизни она проводит в пустыне. Спина сгорблена, она ходит с посохом. Ветра испещрили морщинами ее лицо.

– Вы увидели весь ее жизненный путь?

– Да.

– Где она умерла?

Дария видит, как Аниса идет к шатру, опираясь на посох. Но вдруг в нее бьет молния. В считанные секунды ее тело превращается в прах.

– В пустыне. Ее забрал огонь.

Краузе вывел девушку из гипноза и дал ей время на адаптацию.

После очередного звонка мужа Ева извинилась и уехала домой. Дария не возражала. Выглядела она умиротворенной, будто, заглянув в прошлую жизнь, больше не имела сомнений. Вот только шрамы начали доставлять беспокойство. Сначала девушка пыталась заглушить зуд почесываниями через перчатки, но потом сняла их и с силой по очереди расчесала обе ладони. Заметив кровь, Краузе ужаснулся. Побежал за аптечкой и положил перед пациенткой антисептик и лейкопластырь.

– Как вы себя чувствуете?

Дария медлила с ответом. Не спеша обработала шрамы и залепила лейкопластырем, надела перчатки и подняла на доктора печальные глаза.

– Вы же отдадите мне запись сеанса?

– Конечно!

– Хочу убедиться, что я не сболтнула при Еве лишнего. Зачем я послушала вас и потащила ее с собой?

– Между вами чувствовалось напряжение.

– Еще бы! Прямо перед сеансом я узнала, что ее забота – это корыстный страх. Оказывается, ее больше беспокоит не подамся ли я в паломничество. Тогда ведь я не смогу снабжать ее информацией об антиквариате. – Взглянув на Эриха, она осеклась. – Извините, я не должна вываливать на вас свои проблемы. Тем более вы друзья.

Краузе не стал комментировать. Его отношения с Островскими ее никоим образом не касались. Доктор пробежался по записям, которые делал во время сеанса, и подготовил список вопросов. Все это время Дария прохаживалась по кабинету, разминая затекшие мышцы.

– Сеанс дал вам ответы на нерешенные вопросы?

– Безусловно. Я была права: скопившиеся проблемы – отголоски прошлой жизни.

– Поступок того юноши был для судьбы Анисы трагедией?

– Трагедией? – Дария свела брови и насупилась. – Возможно, но с другой стороны, Аниса смогла вылечить и поддержать духом тысячи людей. Что ее ждало, если бы она стала жрицей?

– Не знаю, – пожал плечами Краузе. – Расскажите, потому что я так и не понял, к какому культу принадлежал жрец, у которого училась Аниса.

– Аниса была из племени, которое исповедовало чистый

зороастризм. Но семья переехала в Эхбатану, столицу Мидии...

Эрих ввел в поисковик название города и страны, переписал даты существования государства.

– ...а там был храм богини плодородия Анахиты. В нем служили жрицы, которые приносили жертву через ритуальный акт любви. Мои родители знали об этом, и когда встал вопрос о моем служении, отец попросил мать найти жреца-отшельника, к которому люди ходили тайно. Он молился пять раз на дню, соблюдал чистоту тела и души. Для смирения носил на себе огромную цепь, обмотав вокруг тела.

– Что-то типа веригов?

– Так он укрощал соблазны. Был очень сильным человеком. Вокруг него все преображалось. Люди приходили, чтобы просто побыть на богослужении и подпитаться чистотой. Он источал невероятную радость. Аниса многому у него научилась. Бабаждан помогал всем, кто к нему обращался. Бывало людям нечем было поднести жертву огню, не было даже фруктов, тогда он говорил: **«Покаянный плач – язык, на котором мы говорим с Богом»**.

– После того как вы покинули горный храм, вы его не видели?

– Аниса обладала даром предсказательницы. В огне она видела будущее. Но говорила о нем не всем. Можно сказать, что многое замалчивала. Люди не готовы были слышать правду. Она еще в детстве предсказала смерть двух братьев и

сестры. Мать ее за это недолюбливала. Держала обиду, будто это Аниса была виновата в их смерти. Аниса видела своего учителя в огне. Огонь показал ей, как и когда умрет Бабаджан.

Дария остановилась перед стеллажами и стала задумчиво разглядывать корешки книг, потом опомнилась и повернулась к доктору.

– Мы говорили о трагедии, – она села напротив Эриха в кресло. – После посвящения Анису ждала жизнь затворницы. Да, люди бы приходили, но тайно. К тому же многие не хотели общаться с женщиной, охотнее доверяли проблемы жрецам-мужчинам.

Хоть тема была щепетильная, но Краузе обязан был спросить:

– Почему Сарда надругался над Анисой?

– Так он ей отомстил.

– За то, что она прошла испытание?

– И за это. И за то, что не отвечала на его чувства.

– Он был в нее влюблен?

– Он был завистливым и злопамятным. Внешне привлекателен, а внутри – гнилой плод. Хотел, чтобы она ему принадлежала, но уступать главенство не собирался. Хотя о главенстве речь не шла в принципе, жрец прожил в этом храме еще тринадцать лет. Даже если бы Аниса прошла посвящение, полноправной жрицей, выполняющей все ритуалы самостоятельно, она стала бы только после смерти учителя.

– Понятно. А сколько прожила Аниса?

– Она умерла в возрасте тридцати шести лет. К моменту смерти она выглядела как старуха. Быстрое старение – это цена за общение с огнем.

Эрих отложил блокнот и задумчиво произнес:

– Обычно пациенты редко доходят до древних времен. Ваша душа ждала два с половиной века, прежде чем прийти на землю повторно. Ведь древневосточная Мидия просуществовала от 670 года до н.э. до 550 года до н.э. Как вы считаете... – Краузе решил перефразировать. – Нет, не так. После посещения временного портала есть ощущение, что до Анисы у вас была еще одна жизнь?

Дария вскочила, пересекла кабинет и прильнула к окну. Доктор услышал ее тяжелый вздох, кажется, он задел щепетильный для нее вопрос, но отступать не собирался. У него создалось стойкое ощущение, что она рассказала далеко не все, что видела и знала в воплощении Анисы. Факт общения с огнем тоже нельзя было забывать. В видениях ей могла открыться любая информация: начиная от сотворения мира, заканчивая ее прошлым и будущим.

– Если говорить о воплощениях, то вы правы, я второй раз воплощаюсь в облике человека. Эти два с половиной века я была на Земле, но пребывала в стихии огня.

Краузе замер и в недоумении уставился на пациентку. Такого ответа он не ожидал и боялся ее спугнуть или упустить хоть слово.

Она повернулась – в ее зрачках плескались всполохи пламени.

– Я и есть огонь. Вернее, его малая часть.

Она сняла перчатки и развернула ладони. В полумраке комнаты шрамы казались огненно-красными.

Эрих испытывал необычайное волнение. Он впервые слышал, что человеческая душа может пребывать на Земле как часть стихии.

– У вас какая-то миссия?

– Служение.

– В чем оно заключается?

– Помощь нуждающимся.

– В чем заключается помощь? Конкретно.

– У каждого воплощения она разная. У Анисы был путь паломницы и целительницы, у меня, видимо, другой. В детали меня пока не посвятили. Вероятно, я еще не готова.

– Поэтому вы не можете иметь детей? Стихия огня не плодородна?

– Это одна из причин.

– Есть и другие?

Она закивала.

Эриха осенила догадка: подобная энергия не могла принадлежать человеку. Что-то иное, могущественное и мощное витало вокруг ее облика.

– Вы знали... – прошептал он и с трудом сглотнул. – Не только Аниса могла предвидеть будущее, вы тоже способны

на это. Огонь открыл вам прошлое воплощение и указал будущее. Вот откуда у вас шрамы. Это ожоги. В отличии от Анисы, достигнув двадцатитрехлетия, вы еще не служительница огня.

Девушка отступила на шаг, ее лицо скрылось в полумраке. Эриха сковал благоговейный трепет перед опасностью. Столкнувшийся с непостижимым для его сознания явлением, он боялся совершить ошибку.

– Я прав? – спросил он после затянувшейся паузы.

– Да, – тихо отозвалась она и заговорила на непонятном языке.

– Это язык, на котором говорила Аниса?

– Нет, это авестийский язык – язык богослужения. Сейчас он считается мертвым.

Перед Эрихом раскрывалось истинное положение дел. Одна догадка за другой мелькали в его сознании. Он закинул ногу на ногу и усмехнулся.

– Дария, а вы искусный манипулятор. Вам нужно было как-то объяснить близким прошлое и нынешнее предназначение, и вы придумали подключить меня. Мне вы сказали, что сошлетесь на загадочную болезнь и разорвете помолвку, а на самом деле...

– Я предоставлю им запись этого сеанса и объявлю о разрыве помолвки, – закончила за него Дария.

– Вы трусиха, Дария, а стихии огня трусость не свойственна.

Дария вышла в центр комнаты и с вызовом ответила:

– Я не трусиха! Всего лишь осторожна. Я уже причинила страдания своим родителям. Если скажу как есть, сердце отца не выдержит.

Она взглянула на часы, подхватила сумку и пошла к двери.

– Мне пора. Родители с ума, наверное, сходят.

– Конечно, – Эрих вынул из камеры карту памяти.

Перед дверью она остановилась и резко обернулась.

– Я не сама так решила. Я увидела это в видении.

– Что конкретно? Сеанс?

– Сеанс, вас, меня на кушетке. Даже Еву. И... – она осеклась и выскочила в приемную.

Давид вручил ей счет. Пациентка выудила из сумки бумажник. Последовавший за ней Эрих успел заметить во внутреннем отделении бумажника черно-белое фото светловолосого, коротко стриженного мужчины и с подозрением спросил:

– Это ведь не Анвар?

Она проследила за его взглядом и покраснела.

– Нет. Этого мужчину я разыскиваю. Это давнишняя история.

Дария дала понять, что не намерена вдаваться в подробности, а Краузе не стал настаивать. Мужчина на фото был европеоид брутального типа и не мог быть ее женихом.

– Спасибо, Эрих, – девушка помялась и добавила: – Я вам

очень благодарна. Надеюсь, вы не озвучите Еве мои откровения.

– Все сказанное во время сеанса остается в кабинете, – заверил он ее, отдал карту памяти и попрощался.

Когда за пациенткой закрылась дверь, Эрих повернулся к ассистенту.

– Ты договорился с адвокатом о встрече?

– В СИЗО завтра в восемь утра. Адрес и контактные данные адвоката я скинул вам в рабочий чат.

После ужина Эрих с бокалом вина устроился на диване. Все мысли были о необычной пациентке, оставившей после себя неоднозначное впечатление. Эрих был уверен, что она многое скрыла, как скрывала и раньше, в своем прошлом воплощении, боясь людского осуждения и злобы.

Размышления прервал Василий. Он вошел в гостиную и протянул доктору трубку стационарного телефона. Номер знал узкий круг друзей, поэтому Эрих даже не стал спрашивать кто звонит.

– Слушаю.

– Дружище, я уже пожалел, что втянул тебя в эту аферу, – посетовал Островский.

– Что случилось?

– Ева пробиралась домой под шквал криков родственников Дарии.

– Вот как? Чего они от нее хотели?

– Наш дом выдержал землетрясение в десять баллов. Я был вынужден отправить детей к соседям. Боялся, что злобные мавры ворвутся в дом и оставят от нас мокрое место. По их мнению, Ева виновата во всем, даже в том, что солнце закатилось за горизонт.

– Ну теперь я знаю кому предъявлять претензии в моей бессоннице, – шутливо отозвался Краузе и спросил: – Ева не пострадала?

– Ты знаешь мою девочку. Миссионерка, а если надо – гладиатор. Отмокает сейчас в ванной и нейтрализует негатив красным вином. Кстати, твоим подарком.

– Почему подруги повздорили?

– Как только ты уехал из музея, пантера выпустила когти и накинулась на мою жену. Знаю, ты уже сложил о ней мнение и нам с женой очень любопытно было бы его послушать, но мы помним правила: пока она твоя клиентка ты рта не раскроешь.

– Она больше не его клиентка! – услышал Краузе голос Евы. – У них контракт только на один сеанс!

– О! Тогда раскрой нам глаза на правду, пока мы живы. Шансы остаться в живых ничтожно малы – четыре машины блокировали ворота моего дома.

Эрих никогда не раскрывал происходящее в его кабинете.

Исключением были непосредственные участники проблемы пациента. Оценив техничный подход адвоката, Краузе поспешил перевести тему.

– Влад, на твоём месте я бы вызвал полицию. Это избавит тебя от дальнейшего преследования.

– Я сделал лучше, позвонил в антитеррористический комитет и сказал, что мой дом оккупировали вооруженные люди арабского происхождения. Ева уже выходит из ванны и занимает нам первые места.

Адвокат переключил на громкую связь. Послышался звук наливаемого в бокал вина.

– Нет, дорогая, я дождусь развязки спектакля. Очень хочется посмотреть на арест группы радикалов.

Краузе чувствовал, как возбуждены супруги, это и понятно. Даже если не учитывать межнациональную вражду, Островским пришлось эвакуировать детей из собственного дома, безопасностью которого они так гордились.

– Эрих, ты уверен, что она была под гипнозом? – спросила его Ева. – Дария знает фарси, древнеиранские диалекты. Досконально знает арабский восток: культуру, ритуальные и религиозные обряды, архитектуру и предметы быта. Она прекрасный оценщик. Еще ни разу не ошиблась. С ней спорят профессора институтов, но она упорно берет первенство, раскрывая такие факты, от которых у великих умов волосы встают дыбом. Я была удивлена, что она наградила меня громким званием «подруги» и потащила с собой на гип-

нотический сеанс. В свою очередь я считала нас лишь коллегами по цеху. Иногда мы оказывали друг другу услуги, но это не говорит о близкой дружбе, просто все мы люди.

– Кажется, приехала гвардия! – послышался голос Влада. Хлопнула входная дверь.

– На мой взгляд произошло следующее: она использовала нас с Владом, чтобы добраться до тебя. Ей непременно хотелось, чтобы я была свидетелем ее спектакля.

– Зачем? – у Эриха была своя версия происходящего, но он хотел услышать мнение Евы.

– Это же очевидно! Чтобы снять с себя ответственность. Она дирижировала увертюрой. Подруга, то бишь я, предложила сеанс гипноза. Муж подруги, то бишь Влад, предложил гипнолога. Гипнолог, то бишь ты, сам приехал к ней на работу. У нее просто не было другого выхода, как пойти на сеанс. Она подставила нас. Как только я зашла к тебе в кабинет, она отправила СМС матери, в котором описала все так, будто ее силком затащили к самому дьяволу, и за все, что будет в последствии, она не несет ответственности. Естественно, родители стали бомбардировать ее и мой телефоны. Ее мобильник отключен, а я не отвечаю на звонки. Через три часа разъяренная толпа бородатых мужиков встретила меня у ворот собственного дома. Они не дали мне въехать в гараж. Стали орать, что я обманом удерживаю их беззащитную родственницу. Можешь представить весь этот ужас?

– М-да, приятно мало.

Снова хлопнула дверь.

– Все! – Влад забрал телефон у жены. – Эрих, периметр чист. Всех погрузили в бобики. Спасибо тебе, дружище, за помощь. Но мы торжественно клянемся больше в это дело не лезть. Нужен гипнолог? Нырять в Интернет, находите специалистов, читайте отзывы и принимайте самостоятельное решение. Я официально ухожу в запой. Данке! Гуте нахт!

Судя по происходящему, история девушки со шрамами не закончилась, а только набирала обороты.

Глава третья

В восемь утра Эрих встретился с адвокатом нового пациента у КПП СИЗО. Аркадий Вайсман был худощавым, высоким и подвижным мужчиной лет сорока. Он был болезненно бледен, казалось, солнце никогда не касалось его кожи. Копна непослушных волос резко контрастировала с гладко выбритым лицом, на котором застыла маска бесконечного недовольства.

В тюремных застенках царила атмосфера безнадеги и фатальности. Все, с кем доктор в этот день контактировал, походили на завсегдатаев психиатрических больниц. Когда Вайсман и Краузе прошли досмотр, их повели бесконечными коридорами, где адвокат озвучил самую нелепую просьбу, которую Эриху случалось слышать за всю свою карьеру.

– Хочу вас предупредить о необычной реакции клиента на смех или усмешку. Не важно по какому поводу, он все равно примет это на свой счет. Начнет с фразы: «Ты видишь здесь что-то смешное?», а закончит побоями. В связи с этим попрошу вас не улыбаться.

– Невозможно представить, по какому поводу я мог бы засмеяться в таком учреждении, – съязвил гипнолог.

– Человек, знаете ли, ко всему привыкает.

Эриха заинтересовала странная фобия пациента и он спросил:

– Он боится смеха или озлобляется? Это разные вещи.

– Уверяю вас, он никого не боится. Когда его заведут, постарайтесь отвернуться или что-то рассматривайте в бумагах. Пусть он освоится и первым пойдет на контакт.

– Трудно поверить, что мы говорим о психически здоровом человеке.

– Экспертиза признала его вменяемым, но это не мешает ему стирать ухмылку с лиц недругов побоями.

– Я уже пожалел, что приехал, – признался Эрих и замедлил шаг.

– Вам беспокоиться не за чем, просто не провоцируйте его. Вы ему нужны. Надеюсь, с вами он будет сдерживаться. А вот надзирателям, следователям и адвокатам достается вся его «безграничная любовь».

– И вам?

– Я третий адвокат за процесс. Двоих он отправил в травматологию.

– И вы не боитесь за свое здоровье?

– Либо я получу самый большой гонорар за всю карьеру, либо ему придется укрощать свои порывы. Я назначил штрафные санкции размером в миллион рублей за любое причиненное моральное или физическое неудобство, а за нанесение тяжких телесных – десять миллионов рублей.

– И он подписал такой контракт?

– А какой у него был выбор? Либо Аркадий Вайсман – опытный адвокат, знакомый с официальной и закулисной си-

стемой правосудия, либо студент-заика.

Прибывших на встречу с заключенным разместили в комнате для допроса. Эрих оценил обстановку. По центру – стол, привинченный ножками к полу; стулья, словно не из этой эпохи, а свидетели средневековой инквизиции. Как проводить сеанс в таких условиях?

Краузе невольно сравнил обстановку с финской тюрьмой, куда два года назад загремел его пациент. Гипнологу пришлось лететь в другую страну, чтобы провести заключительный сеанс, который как раз и дал ответ на мучающий пациента вопрос.

Финские власти снабдили каждую камеру предварительного заключения, рассчитанную сугубо на одного человека, телевизором, кроватью с высоким матрасом, рабочим столом, всеми душевыми принадлежностями и отдельным туалетом. Мало того, на каждые четыре камеры имелась большая гостиная-столовая, где заключенные могли пообщаться и приготовить себе еду, если не нравилась казенная. Разрешены были личные средства связи и компьютеры. Его пациент шутил, что в такой тюрьме чувствуешь себя как в санатории, первоклассные медицинские услуги, он даже зубы все вылечил.

Через открытую дверь Краузе услышал, как заключенного попросили назвать фамилию, имя и отчество, а также номер статьи.

– Рябов Борис Акимович. Сто пятая.

– По голосу могу сказать, что у него сегодня хорошее настроение, – выдал вердикт адвокат.

Судя по тяжести шагов – к ним шел гигант. Потому-то Эрих был так удивлен, когда в комнату для допросов завели рыжеволосого мужчину средней комплекции, с окладистой бородой, ростом не выше метра семидесяти. На нем были джинсы и черная футболка с изображением боксера в стойке. Руки были закованы в наручники.

Краузе старался никогда не искушать судьбу, вот и сейчас, последовав совету адвоката, разложил на столе контракт и поднял голову, только когда Рябов сел напротив и поздоровался. Несколько минут адвокат докладывал о проделанной работе. Это была их последняя встреча, и Вайсману не терпелось решить финансовый вопрос.

Пользуясь моментом, гипнолог украдкой изучал Рябова. Шрамы на лице и руках. На безымянном пальце перстень из платины с черным камнем. На шее толстая крученая цепь с крестом. Было странным видеть на заключенном в СИЗО ювелирные изделия. Взгляд подозрительный, режущий. Весь его облик источал недоверие и настороженность, будто он каждое мгновение ждал подвоха или, и того хуже, нападения. От него исходила мощная и неукротимая энергия, казалось, ему любая задача по плечу, и Эрих отметил, что пронизательный Вайсман явно недооценил своего клиента. Возможно, из-за страха.

Когда адвокат закончил, Рябов спросил Эриха:

– Вы согласны со мной поработать?

– Для начала я бы хотел вас выслушать. В чем вы видите проблему? Потом оговорим условия и расценки. Насколько я понял, времени у нас мало. Через три дня вас этапируют на Урал.

Рябов фыркнул.

– Никуда меня не этапируют. Здесь я, конечно, тоже не останусь. Но вполне могу сделать так, чтобы меня не трогали, пока мы не закончим.

– Борис Акимович, вопрос решен, – вмешался адвокат.

Рябов зыркнул на него с такой злобой, что Вайсман осекся.

– Это уже вас не касается. Свою часть работы вы выполнили, – завелся Рябов. – Теперь я сам. Если у вас нет ко мне претензий, можете идти. Деньги я найду в течении двух дней. С вами свяжутся и принесут оставшуюся часть гонорара.

Вайсман собрал документы и попрощался.

Заклученный откинулся на спинку стула, но долго просидеть в такой позе не смог, наклонился корпусом к столу и спросил:

– Что вы хотите от меня услышать? Мне легче отвечать на вопросы, чем самому что-то рассказывать.

– В чем вы видите свою проблему?

– В этом! – закованными в наручники руками заключенный показал на камеру. – Закономерный итог моей жизни. Я знал, что рано или поздно попаду сюда.

– И все же, в чем ваша проблема? Конкретно.

Рябов скривился и почесал нос.

– В агрессии. Если начинаю кого бить, не могу остановиться.

– Понятно.

– Да ничего вам не понятно! – рывкнул Рябов и позвал надзирателя. Когда тот заглянул, спросил: – Все чисто?

– Да, – отозвался тот. – Но ты не расслабляйся., начальство может вернуться.

– А я когда-то был расслаблен? – проревел Рябов. Вены на шее вздулись. – Сними обручи! Что там с хатой? Нам на часик-другой.

Надзиратель снял наручники, от чего Краузе нервно сглотнул и побледнел.

Заметив, как надзиратель мнетяся, Рябов заверил:

– Это врач. Будет меня в гипноз вводить, чтобы мне крышу на место поставить.

– С хатой решим, – тут же отозвался надзиратель, разглядывая гипнолога. – Таксу знаешь.

– Не бойсь. Бабки при мне, – Рябов похлопал по карману.

Надзиратель закрыл скрипучую дверь и провернул ключ в замке. Краузе почувствовал себя в ловушке, что не укрылось от осужденного.

– Неприятное ощущение. Да?

Краузе закивал.

– Особенно для меня, – заключенный чертыхнулся и

сморщился. – Я человек вольный, люблю раздолье. В замкнутом пространстве с ума схожу. Даже в своем доме не могу долго находиться, постоянно на крыльцо выхожу, то покурить, то поразмыслить. Еще пару дней такой жизни, и я начну гасить всех подряд, и тогда мне точно уже не выбраться.

– Сколько вам дали?

– Червонец. Могли и больше. У меня родственник в службе исполнения наказания. Подсуетился. Не бесплатно, конечно.

Поначалу Эрих удивился, зачем Рябов с ним откровенничает, но потом понял: поговорить ему не с кем. С сокамерниками и надзирателями он откровенничать не будет, болтливость может выйти ему боком, а Краузе связан с ним контрактными отношениями «гипнолог-пациент».

– Чтобы понять мою проблему, вам нужно посмотреть вот это.

Заклученный выудил из кармана джинсов смартфон, нашел нужный ролик, включил воспроизведение и повернул к гипнологу. Краузе понял, что это та драка, о которой рассказывал Обухов. В начале Рябов хотел просто разогнать нападавших, но по мере сопротивления так распалился, что потерял человеческий облик. Такую агрессию Эрих видел впервые. Было в этом что-то звериное.

– Инцидентов было десятки, просто попался именно на этом. Это моя удача, неизвестно скольких бы еще убил.

– Когда это началось? – Краузе достал блокнот.

Рябов тут же запротестовал.

– Никаких записей!

Только теперь Эрих понял, почему Вайсман по телефону сказал его ассистенту про запрет на съемку сеанса. Это было условие пациента.

– Хорошо, – Эрих убрал блокнот.

– Агрессию я чувствовал всегда, даже в раннем детстве.

Именно поэтому я воспитывался у деда в деревне, там я себя лучше чувствовал.

– Откуда вы родом?

– Местный. Семья жила в Москве.

– А дед?

– Дед после выхода на пенсию прикупил домик на берегу

Оби и забрал меня, когда я стал поколачивать старших братьев.

– Сколько вам тогда было?

– Три.

– А братьям?

– Пять и семь.

– В раннем детстве агрессия развивалась по такому же типу?

– Чего? – насторожился Рябов.

– Как мне кажется, изначально вы не имеете желания доводить свое вмешательство до нанесения тяжких телесных повреждений. Агрессия нарастает после сопротивления. Вы

дважды повторили требования, чтобы мальчишек отпустили, и только после угроз и сквернословий в вашу сторону наблюдался всплеск агрессии. Это так?

– Допустим.

– А что вас больше раздражает: то что вас обозвали или неподчинение?

Рябов задумался.

– Одно неотделимо от другого.

Эриху так не казалось, на видео было видно, что Рябов обозлился именно после оскорблений, но развивать тему не стал.

– Перед тем как пойти в атаку, вы испытываете страх?

– Нет. Я никогда не испытываю страха.

– А страх потери?

Впервые заключенный смутился. Доктор явно наступил на большую мозоль.

– Это другое.

– Вы когда-нибудь проигрывали в схватке?

– Не припомню такого.

– Можете вспомнить наибольшее число противников в драке?

Рябов почесал переносицу и выдал:

– Не считал, может, человек двенадцать.

Эрих не смог скрыть своего удивления. Рябов не обладал боксерской фигурой. Его весовая категория могла легко ввести противника в заблуждение. Видео запечатлело, как он

мастерски направлял толпу по своему сценарию и без особых усилий одолевал тяжеловесов.

– Вы женаты?

Рябов усмехнулся.

– Кто будет жить с таким как я? Дальше секса на одну ночь не заходит. На приисках сошелся с одной, она родила, но сразу после родов уехала к родителям и запретила приезжать.

– А с братьями вы общаетесь?

Рябов покачал головой.

– Каждая наша встреча заканчивается дракой.

– Братья тоже агрессивны?

– Не особо.

Перед принятием решения Краузе бросил на клиента затяжной оценивающий взгляд.

– Хорошо. Давайте оговорим условия для проведения гипноза. Между сеансами должно пройти не менее суток. Сеанс длится час. Таймер я включаю сразу после погружения в гипноз. В состоянии гипноза вы должны быть в горизонтальном положении. Вам должно быть удобно и комфортно. – Эрих оглядел комнату. – Как видите, здесь нет таких условий. Не могу же я вас положить на пол.

– Я попросил давеча организовать нам комнату для свиданий. Туда пускают семейных. Там есть нормальные кровати, стол и стулья, и даже плита. Жены там готовят.

– Это бы облегчило нам задачу.

Рябов вскочил и стукнул по двери условным знаком.

В комнате для свиданий Краузе увидел кондовую мебель: две кровати, тумбочку, стол и три стула. На окнах решетки. Жалюзи или занавески почему-то отсутствовали. Место для сеанса было не идеальным, но Краузе не сетовал, могло быть и хуже.

Пациент лег на кровать, откинул подушку на тумбочку и с нетерпением взглянул на застывшего по середине комнаты Краузе.

– Чего стоим?

– Нам нужен полумрак.

– Зачем?

– Так вам будет легче войти в состояние гипноза.

– Мрак, полумрак, свет, полусвет – мне все едино.

Краузе придвинул стул к кровати и положил на колени блокнот. На вопросительный взгляд пациента, он ответил:

– Это не для записей. Просто шпаргалка для сеанса.

Хоть Рябов и бравировал своей податливостью к гипнозу, Эриху пришлось изрядно попотеть. Рябов даже тело расслабить не мог. Когда пациент наконец-то погрузился в гипноз, Эрих вытер платком вспотевшее лицо и заглянул в блокнот. Впервые за свою практику он так вымотался, что понадобились

лось освежить в памяти перечень вводных вопросов.

– Борис, вы находитесь на лечебном сеансе, который поможет вам понять вашу агрессивность.

Доктор попросил пациента пошевелить правой рукой, затем поднять левую и приложить к голове. Рябов выполнил команды.

– Сейчас вы войдете в длинный темный туннель. Пройдя его, вы попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр с темными стенами. В конце туннеля вы увидите ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и когда скажу «один», вы окажетесь в своей предыдущей жизни. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это не вы, а прошлое воплощение.

Под гипнозом Борис увидел себя стоящим на лесной поляне. Лунный диск освещал тропинку к туннелю. Он хотел подойти к нему, но оказалось, что руки и ноги закованы в кандалах. Еле передвигая ногами, он доплелся до туннеля и заглянул внутрь. Стенки туннеля были круглые и почти черные.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигайтесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы приближаетесь к свету.

Туннель пройден до середины. Борису хотелось ускориться, но мешали кандалы. Он приложил усилия и засеменил.

– Четыре... три... Стены почти белые. Яркий, ослепи-

тельный свет застилает вам глаза. Два... Ничего не бойтесь. Пусть свет окутает вас со всех сторон. Один! Выход! Вы снаружи. Вам комфортно, вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да-а-а, – послышался громогласный рык.

У Краузе мелькнула догадка: а не зверем ли был его пациент в прошлой жизни?

– Где вы сейчас находитесь? Что видите перед собой?

Пелена, что застилала глаза, постепенно рассеялась. Очертания предметов стали четкими. Борис оглядывается по сторонам и видит себя в клетке. Он катается по полу, стонет, издает невнятные звуки.

– Я в клетке.

– Почему вы в клетке? – встрепенулся Эрих, похоже, его догадка подтвердилась.

– Я в ней живу.

Пациент отвечал еле связно, глотая согласные и растягивая слова, будто ему больно говорить.

– Вы один? Иди рядом есть кто-то еще?

Пациент рассматривает жильцов соседних клеток. Все замученные и грязные. В глазах безнадега.

– Нас много.

– Вы разные? Или одного вида.

Борис усмехнулся.

– Можно сказать и так. Одного вида.

– Вы все в одной клетке?

– Нет, у каждого своя.

– Опишите себя.

Пациент вспоминает, что прямо перед его клеткой стоит зеркало. Так хозяин доводит его до исступления. Он подходит и смотрит в свое отражение. Зеркало грязное, местами потрескалось. С трудом, но ему удается рассмотреть себя со всех сторон. Отражение вызывает боль и злобу, он громко рычит.

– Я большой. Сильный. Не как все. Голова с огромными шишками. Меня показывают за деньги.

– Как называется место, в котором стоит ваша клетка?

Борис застонал и облизал губы.

– Цирк уродов.

Краузе обомлел. Так вот оно что! Борис в прошлой жизни имел врожденное уродство.

– Вы человек?.. – вполголоса спросил гипнолог.

– Можно сказать и так. Пиппо говорит, когда моя маман увидела меня – наложила на себя руки.

– У вас есть близкие? Родственники? Друзья?

– Нет, – покачал головой пациент. Из глаз потекли слезы. – Я знаю только тех, кто живет и работает в цирке.

– У вас есть имя?

– Меня называют Человек-Гора или Человек-Камень.

Пациент громко всхлипнул и застонал.

– Борис, не забывайте, что вы просто наблюдатель.

– У меня три дня болит зуб.

Боль так сильна, что Человек-Гора бьется головой об решетку и ревет. Обессиленный опускается на колени и лакает воду из миски.

– Расскажите об обитателях соседних клеток.

Человек-Гора смотрит с тоской на соседей.

– У входа, в первой самой чистой клетке, живет Папа-Сын. С виду один человек, но на самом деле их двое. Папа старый и злой, а Сын маленький и стеснительный. Прячется за его спиной. Они никогда не видели друг друга, только слышат. Сын часто плачет по ночам, а Папа на него кричит, но не громко, боится меня разбудить. Справа Додо, Мальчик-Леопард. Он из Африки. Его кожа покрыта разноцветными пятнами. Слева от меня Жозефина. Она прекрасна... до пояса, а ноги огромные, больше моих. Каждый день я выношу ее на постамент перед публикой. Она приносит большой доход. Ее не бьют как меня.

– А вас бьют?

– Каждый день. Бьют, дразнят, обзывают. Они дают мне выпить разведенного спирта.

– Зачем?

– Я теряюсь, не понимаю где я и кто. Бьюсь головой об решетку, разбиваю лицо в кровь, а они потешаются. Когда плохой день, выручки мало, тогда хозяин выводит меня против Жужу.

– Он тоже уродец?

– Нет, это медведь. Мы боремся. Я всегда побеждаю. Вот

только глаз однажды потерял.

На удачу, без особой надежды Краузе спросил:

– В какой стране расположен цирк?

– Мы нигде надолго не остаемся.

– На каком языке вы говорите?

– На венгерском.

– Хозяин тоже говорит на венгерском?

– Да. Он меня научил. Я немного читаю. Могу разобрать, что написано на афише. Еще я знаю цифры. От одного до десяти. Я учился считать на палочках.

– Хорошо. А другие жители клеток тоже говорят на венгерском?

– Если хочешь есть – заговоришь, – пациент прислушался и насторожено оскалился.

Дверь в вагончик распахнулась, на пороге показался хозяин и его гости. Человек-Гора видит в его руке бутылку кальвадоса, значит, сегодня ночью у гостей будут особые увеселения. Кальвадос всегда приносит кондитер, у которого нездоровый интерес к Жозефине.

– Пришел хозяин. Дело плохо.

– Почему? Вам грозит опасность?

Гости поочередно осматривают клетки. Глумятся над уродцами, обзывают и дразнят. Больше всех достается Человеку-Горе. В него кидают камни. Некоторые достигают цели, причиняя ему боль.

– Какой же ты урод! От кого тебя мамаша родила? От цирк-

лопа?

– Образина!

– Пугало!

– Посмотри на себя! Таких как ты надо прутом раскаленным клеймить!

– Клеймить! Клеймить! Клеймить! – беснуется толпа.

Борис разлепил пересохшие губы и сказал:

– Хозяин привел особых зрителей. Некоторые часто сюда приходят. Они делают всем больно, – пациент тяжело задышал, кулаки сжались, – особенно Жози. Она кричит, а я зверою.

Краузе боялся, что не удержит пациента под гипнозом. Был риск, что, испытывая неукротимую ярость, Борис мог принять гипнолога за своего врага и спроецировать на него свои действия.

– Борис, вы сторонний наблюдатель. Вы просто смотрите и не испытываете эмоций. Вы спокойны. Дышите размерено. – Когда дыхание пациента восстановилось, Эрих спросил: – Хозяин специально доводит Человека-Гору до иступления?

– Да. Ему за это платят.

Краузе решил отвлечь Рябова от происходящего.

– В цирке вас только четверо?

– Нет. Нас много. Есть карлики. Они живут в отдельном вагончике. Они громкие и злые. Постоянно ругаются между собой и с другими. Еще есть Женщина-Борода и треногий

мальчик.

– Почему вас держат в клетках?

– Не всех. Только тех, кто может навредить себе или другим.

– А как же Жозефина?

– Она режет себе ноги по ночам.

– Понятно. Сколько работников в цирке?

– Три: Бенс все ремонтирует, Мате все моет, еще шьет. Есть Франи, жена хозяина, она рисует афиши и продает билеты. После представления хозяин закрывает ее в вагончике, говорит, что ее могут обидеть уродцы.

– А это не так?

– Нет. Он не хочет, чтобы она видела его издевательства над нами.

Человек-Гора бьется об решетку клетки, кричит, чтобы ублюдки, что пришли с хозяином не трогали Жозефину. Женщина плачет, молит о пощаде. Но хозяин стоит в стороне и не вмешивается. По его лицу течет пот, он возбужден.

Время сеанса подходило к концу. Краузе уже хотел перенести пациента в следующий важный день как тот закричал:

– Жози! Ударь его ногой!

Женщина вывернулась и нанесла удар. Ее гигантская нога припечатала мучителя к стене. По инерции он сполз на пол. Из рта потекла кровь. Тело задергалось в конвульсиях. Хозяин забежал вокруг пострадавшего.

– Что происходит, Борис?

Мучитель больше не дергается. В вагончике стоит тишина. Все осознали, что насильник умер.

– Жози перестаралась и отправила коротышку-кондитера на тот свет. Теперь нам предстоит поспешный отъезд.

– Лента времени раскручивается вперед! Вы погружаетесь в последние часы жизни. Что вы видите?

Человек-гора скулит и скребется, пытается дотянуться до Жозефины, но тщетно. Вот уже несколько часов она лежит без движения. Губы посинели, глаза стеклянные.

– Жози умерла.

– Почему она умерла?

– Заболела.

– Где вы сейчас?

– Нас заперли в вагончике. Хозяина арестовали, остальные разбежались. Еда закончилась три дня назад, вода сегодня утром.

Человек-Гора поднатужился и снес дверь вагончика. Взял бездыханное тело Жозефины на руки и понес в лес.

– Вдалеке ревет медведь. Это Жужу, Бенс выпустил его на волю.

– Что происходит дальше?

– Я хочу похоронить Жози.

Он опускает тело на землю и огромными ручищами раскапывает глубокую яму. Рев медведя все ближе. Человек-Гора ускоряется, хочет поглубже закопать тело подруги, чтобы медведь не учуял запах разложения. Погружает Жози в мо-

гилу и закапывает. Слышит рев за спиной и оборачивается.

– Ты меня ищешь? Я ночами слышал твой зов, но не мог выйти. Я был нужен Жози.

– Борис, что происходит?

– За мной пришел Жужу.

Человек-Гора вытянулся во весь рост, взревел, сжал кулаки и ринулся на медведя. Теперь схватка не на потеху зрителям, а на смерть. Зверь тоже это понимает. Он оголодал и одичал. Огромные когти полоснули своего обидчика.

– Не молчите, Борис. Что вы видите?

Жестокая схватка как всегда заканчивается победой Человека-Горы, но живым он остается недолго, с первыми робкими лучами солнца умирает от потери крови.

Через минуту Борис разомкнул губы и прошептал:

– Человек-Гора победил в схватке, но умер от ран.

После сеанса Рябов на контакт не пошел. Гипнолог дал пациенту сутки на осознание увиденной инкарнации и поспешил покинуть мрачное учреждение. Анализируя сеанс, Краузе задавался вопросом: за какие грехи душа пациента претерпела подобные муки? Не имевший имени и не знавший своего происхождения, Человек-Гора каждый день подвергался унижениям и насилию. Наверняка такому воплощению

предшествовали соответствующие поступки.

Краузе подходил к машине, когда ему позвонил Давид.

– Я только что вышел из СИЗО, выезжаю в школу. У тебя что-то срочное?

– Хотел предупредить, – быстро заговорил Давид. – В приемной вас дожидается какой-то Анвар. Хочет поговорить на счет вашей пациентки Дарии. Ведет себя как дикарь. Это же та, что приходила в хиджабе?

Эрих прикрыл глаза и застонал. Он ожидал визита родственников Дарии, но надеялся, что это произойдет не сегодня. Сеанс с Рябовым его так вымотал, что сил оставалось только на то, чтобы добраться до апартаментов и плюхнуться на кровать.

– Скажите ему, что я сегодня не принимаю.

– Я сказал, но он меня игнорирует, общается только с Марикой.

– Хм... Вот как? Тогда пусть она ему доходчиво объяснит, что я жду его завтра в девять утра.

Апартаменты были по соседству с приемной, где ждал Анвар. Пройти незамеченным не получиться. Эрих решил эту ночь провести в коттедже. Сел в «ягуар» и сказал Василию:

– На Воробьевы горы.

Василий замешкался и уведомил:

– Сегодня Вера Ивановна затеяла генеральную уборку. Заказала профессиональную чистку диванов и вызвала мойщиков окон. Вы же сказали, что раньше пятницы не приедете.

Это означало, что весь дом пропахнет моющими средствами. Краузе забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Ладно, давай в апартаменты, но проведи меня до квартиры. Не хочу наткнуться на разъяренного жениха Дарии. Я выжат как лимон, сегодня не до разборок.

– Не беспокойтесь. Я созвонюсь с охраной школы, попрошу очистить периметр и встретить нас.

На положительный исход Эрих не надеялся и решил за оставшийся путь привести себя в норму. Включил любимую джазовую композицию Елены и надел наушники.

«Ягуар» подъехал к школе, когда охранники выводили Анвара из здания. Момент был настолько неудачный, что гипнолог чуть не взвыл от разочарования. Наверняка Анвар видел рекламные буклеты школы гипноза в приемной, на которых красовался улыбающийся руководитель, и теперь знает, как он выглядит.

Анвар оказался смуглым худощавым мужчиной среднего роста лет тридцати с густой бородой, которая придавала его утонченному лицу мужества. Одернув плечо, в которое вцепился охранник, он рванул к Эриху.

– Шарлатан! Что ты сделал с моей невестой?! Что наговорил? Из-за тебя она уехала! Отключила телефон! Мы готовились к свадьбе! Пригласили гостей. Кто ты такой чтобы вмешиваться в чужие жизни?!

Жених Дарии схватил гипнолога за грудки и хотел встряхнуть, но Василий скрутил зачинщика, вывернув ему руку, и

тот заголосил от боли.

– Я планировал завтра уделить вам время, но после такого... – Эрих скривился, решил, что жених пациентки не достоин объяснений, и вошел в здание школы.

Он набрал номер телефона Дарии и приготовился высказать все, что накипело, но, к его разочарованию, телефон был отключен. Тогда Эрих отправил ей гневное СМС. Ответ пришел после ужина, когда Краузе просматривал корреспонденцию.

«Извините за неудобство. Непонятно, как он узнал про Вас. Я никому не говорила к какому ходила специалисту. Знала только Ева»

«Меня видели в Культурном центре! Нетрудно догадаться»

«Я объяснила, что вы привозили мне на оценку музыкальный инструмент 19 века. С Евой постоянно приезжали коллекционеры, вопросов не возникло»

«Опять ложь! Дария! Это не выход. Вы загоняете себя в ловушку»

Краузе выглянул в окно и написал:

«Он все еще стоит перед школой. Позвоните ему! Иначе я вызову полицию. Ведет он себя довольно агрессивно, пытался меня ударить. Это ваше спасибо за сеанс?»

Через полчаса Дария снова дала о себе знать.

«Прошу вас, Эрих, уделите ему несколько минут. Я объяснила, что вы ни при чем, что это сугубо мое решение»

«Где вы?»

«В безопасном месте»

«Жаль, что я не могу о себе такого сказать!»

Наблюдая за расхаживающим перед зданием Анваром, Эрих решил, что все же поговорит с ним, но попросил Василия на всякий случай присутствовать на встрече. Он видел, как охранник завел его в школу. Через пять минут в дверь позвонили. В холле Василий тщательно обыскал драчуна и провел в гостиную.

Анвар огляделся и смущенно потупил взгляд.

– Простите меня за нападки. Я в отчаянии, не соображаю, что делаю.

– Это точно. Вместо того, чтобы спокойно поговорить, вы решили, что агрессия – наиболее подходящий инструмент для решения вашей проблемы.

Анвар еще раз извинился. Его взволнованный и подавленный вид несколько умерил обиду, и Эрих указал ему на диван.

– Присаживайтесь. Я готов вас выслушать и ответить на вопросы, но с одним условием: начнете бесчинствовать – встрече конец.

Краузе сел в кресло, что стояло напротив дивана и попросил Марику заварить зеленый чай.

– Это ваша жена? – Анвар кивнул в сторону ушедшей ассистентки.

– С чего вы так решили?

– Просто ответьте.

– Нет, вот моя жена, – Эрих повернул фотографию Елены в рамке. Он не понял подоплеку странного вопроса.

– Я видел ее с другим.

– Личная жизнь сотрудников меня не интересует.

На минуту в комнате воцарилось молчание. В отражении стекла в распахнутой двери Краузе видел, как на кухне мелькала внушительная фигура Василия. Он подсказывал Марике, где что лежит.

Наконец, Анвар собрался с духом и выпалил:

– Дария ушла! Собрала вещи, когда ее родители были у меня дома, и съехала с квартиры.

– Когда?

– На следующий день после вашего сеанса. Ее сестренка слышала, как она с кем-то говорила об оплате аренды.

Этот факт говорил о том, что Дария заранее спланировала свой отъезд. Она не из тех девушек, которые принимают поспешные решения. Эрих допустил, что наверняка девушка лично посетила будущую съемную квартиру и убедилась, что все нюансы проживания учтены перед оплатой аренды.

Краузе поделился своими догадками с женихом Дарии и спросил:

– Это правда, что шрамы на руках появились у нее сразу после помолвки?

– Нет! – Тут же запротестовал Анвар. – Она вам так сказала? Это ложь! – Он тяжело выдохнул и сложил руки на

груди. – Ее как подменили. Она сама не своя. Зачем она солгала? Рубцы появились после сильного стресса. Все врачи придерживаются такого мнения.

– Расскажите подробнее о стрессе.

– На нас напали скинхеды в метро. В тот день мы с Дарией задержались на работе, было закрытие выставки. Конечно, я поехал ее проводить. В вагоне мы столкнулись с подвыпившими националистами. Дария была в хиджабе, и это их раздражало. Они заставляли ее расстегнуть плащ, говорили, что у нее там бомба.

Краузе стиснул зубы. Он злился на Дарию, об этом она и словом не обмолвилась, а ведь это кардинально меняло ситуацию.

– Я растерялся, не знал, что делать. Вступать с ними в спор, который мог закончиться поножовщиной, не хотелось. Отец на пенсии, я единственный кормилец в семье. Что будет с сестрами? Кто их выдаст замуж? А Дария националистов нисколько не боялась. Отвечала дерзко. Из-за этого они еще больше ожесточились. Стали ее пихать, пытались стянуть с нее платок и плащ, я загородил собой невесту. Тогда за нас заступился один мужчина в камуфляжной форме. Русский. Он быстро их утихомирил.

В комнату зашла Марика и поставила поднос на журнальный столик. Разлила ароматный чай по кружкам и удалилась в офис. Краузе придвинул одну кружку Анвару, но тот скривился и спросил:

– А пиалы у вас нет?

Краузе вспомнил, что на открытие школы ученики пода-рили ему китайский чайный сервис, в котором были пиалы. Попросил Василия открыть подарочный набор, обдать кипятком и заменить ими кружки.

– Когда мы вышли на станции, – продолжил Анвар, – тот человек посоветовал Дарии поменять парня. Спросил меня: «Ты муж?». Я ответил: «Еще нет, но скоро буду». А он на нее пристально посмотрел, а потом сказал: «Не будешь. Ей нужен другой, смелый, чтобы жизнь за нее был готов отдать, а ты трус. Она такого не потерпит».

– Когда это было?

– Пару месяцев назад, может, три.

Василий принес пиалы и разлил в них чай.

– Спасибо, не могу пить из кружек, – признался Анвар, вдохнул аромат и пригубил обжигающий напиток. – Наш заступник уронил бумажник, когда дрался со скинхедами. Дария подобрала и хотела отдать, но после его слов застыла и очнулась, когда он уже ушел. На следующий день у нее стали чесаться ладони... до крови. Я уверен, что это из-за стресса, и врачам так говорил.

Эрих вспомнил о фотографии в бумажнике Дарии. Она носила фото своего спасителя. Зачем? Может, за всей этой историей стоит банальный любовный треугольник?

– Не знаю, что делать. Не хочу давить на Дарию. Нужно чтобы она сама приняла решение, но родители в таком шоке,

что я теряюсь. Отец говорит, что я с ней слишком мягок и должен проявить характер.

– Как вы познакомились?

Анвар сделал несколько шумных глотков, поставил пиалу на стол и откинулся на спинку дивана.

– Мы оба занимаемся Древним Востоком: я литературой, а она архитектурой и предметами искусства. Познакомились в историческом музее в Тегеране.

– То есть на территории Древней Персии.

– Да, встреча была символичной, – улыбнулся Анвар. Сейчас он не был похож на человека, который бросился на гипнолога с кулаками. – Работа нас сблизила. Мы не могли наговориться, будто три года были в изоляции, и нас прорвало. До того случая в метро я не сомневался в ее чувствах, поэтому и сделал предложение.

– Сколько вы были знакомы до помолвки?

– Больше года.

Эрих поджал губы и подумал: «Солидный срок. Нельзя сказать, что пара была опрометчива в своем решении».

– Значит, все изменилось с появлением спасителя из метро, – сделал вывод Краузе.

Анвар встрепенулся, нахохлился и округлил глаза.

– Вы думаете, что она начала встречаться с этим быдлом? Нет, – он помотал головой, вскочил и заходил по гостиной. – Этого не может быть! Он же необразованный, грубый и злой! Вы бы его видели! Он похож на зэка!

Анвар схватился за голову и застонал.

– Неужели это правда?!

– Пожалуйста, сядьте. Я не это имел в виду, а то, что встреча с незнакомцем запустила для Дарии цепочку событий, которые привели ее к переосмыслению своей жизни.

Но Анвара было не удержать. Он метался по комнате и выкрикивал:

– Это же позор! Как она могла?! Она загоняет своих родителей в могилу! Что мне делать? Отменить свадьбу? Что я скажу родителям? Что она связалась с уголовником? У него такая рожа, он же явно сидел.

Не обращая внимания на жениха пациентки, Эрех погрузился в размышления. Как удивительно переплетены между собой две истории: Дарии и Бориса. Борис спас сына Обухова. Дарию в метро спас незнакомец. Оба пациента обратились к нему в один день и оба настаивали на немедленной аудиенции. Догадка прожгла сознание, когда обессиленный Анвар плюхнулся на диван и спросил:

– Что она вам сказала на сеансе?

Эрех задал встречный вопрос:

– Как он выглядел? Тот человек из метро.

Анвар нахмурился и состроил гримасу, больше ему не хотелось муссировать неприятную для него историю.

– Внешность обычная. Средний рост. Очень агрессивный. Говорил с блатным акцентом.

– У него была борода?

– Нет.

– Шрамы на лице?

– Я не разглядел. Он был очень подвижным, не стоял на месте, будто не мог справиться с адреналином. А когда мы вышли из вагона, его лицо было в тени.

– Печатка с черным камнем?

– Объясните мне, наконец, что происходит?

– Ничего. Думал на другого своего пациента, но, видимо, это не он.

На десять утра у Эриха была назначена встреча с Крюковым. Детектив приехал немного раньше и дожидался клиента в приемной. Прошедшую ночь Краузе почти не спал, поэтому из апартаментов вышел с огромной кружкой кофе, поздоровался с детективом за руку и пригласил в кабинет.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Михаил и сам же ответил: – По вашему виду можно сказать, что вы еще не оклемались после болезни.

– Так и есть. Слабость и бессонница, – Эрих сел за рабочий стол. – По телефону вы сказали, что есть новости.

– Сначала о версиях, которые нужно обрубить, – Крюков открыл блокнот. – Электронные адреса, с которых посылали сообщения сестре вашей жены и Стариковой больше не ис-

пользуются. Знакомый хакер вскрыл оба ящика. Прослеживается одна тенденция: ящик открывали в день, когда посылали сообщения, а потом проверяли дважды – на следующий день и через неделю.

– Ждал от меня реакции?

– Он дает вам подсказки и хочет, чтобы вы его нашли.

– А я его игнорирую. Наверняка это вызывает в нем еще большую злобу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.